
СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

САРУХАНИЯН С. Н.

Сегодня отношения с Российской Федерацией являются одним из важнейших направлений во внешней политике Ирана. Еще в 60-е гг. прошедшего, XX века иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви начал уделять особое внимание отношениям с Советским Союзом, находящимся тогда в ситуации сильнейшего противостояния основному экономическому, политическому и военно-стратегическому партнеру Ирана – США. В условиях проводимых с 1962 года иранским правительством социально-экономических преобразований, в частности аграрной реформы, шахскому Ирану понадобились большие финансовые средства и материально-техническое содействие, которые США не спешили предоставлять. Кроме того, Пехлеви взял курс на развитие тяжелой промышленности в Иране, в чем не были заинтересованы выкачивающие иранские природные ресурсы (прежде всего – нефть) США. В таких условиях иранское руководство вынуждено было частично пересмотреть внешнеполитический и внешнеэкономический курс страны, начав искать партнеров среди социалистических государств. В кругах политической и общественной элиты страны все активнее начали говорить о необходимости наладить сотрудничество со странами социалистического лагеря, в том числе и с СССР, который, кстати, в 1962 году специальной нотой заверили, что “иранское правительство никогда не разрешит, чтобы Иран стал средством агрессии против Советского Союза”¹. Вышеназванная нота иранского правительства послужила позитивным сигналом для СССР, заложив начало сотрудничества между двумя странами.

Первое значительное советско-иранское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве было подписано в июле 1963 года в Тегеране и предусматривало в том числе сотрудничество в строительстве крупных промышленных объектов: гидротехнических сооружений на реке Аракс, водохранилища, двух гидроэлектростанций и т. д. Подписание советско-иранского соглашения о сотрудничестве в

¹ Цит. по: Алиев С. М., Два направления во внешней политике Ирана (в кн.: Иран. Очерки новейшей истории. Под редакцией Арабаджяна А. З., М., 1976, с. 413).

строительстве промышленных и других предприятий (1966 г.), а также торгового соглашения (1967 г.) сыграло важнейшую роль в дальнейшем развитии межгосударственных экономических отношений.

Вплоть до Исламской революции Иран и СССР в общем и целом сохраняли добрососедские отношения, рамочно развивая торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество.

Один из крупнейших специалистов по Ирану Б. Рубин пишет: «Иранская революция стала важнейшим событием на Ближнем Востоке за последние 25 лет и в большей степени, чем любое другое событие, определила курс развития региона. Революция была фактором стратегических изменений в Заливе, который спровоцировал Саддама Хусейна сначала вторгнуться в Иран/.../, а потом и в Кувейт. Эти события привели также к американо-иракской войне 2003 года. Три важнейшие войны были обусловлены ситуацией, созданной Иранской революцией»².

Слова Рубина вряд ли можно считать преувеличением. Исламская Революция задала свой курс развития региону Ближнего и Среднего Востока. Потерявшие шахский Иран – своего основного с Израилем стратегического партнера в регионе, – США вынуждены были коренным образом пересмотреть свою ближневосточную стратегию, искать новых союзников, искать новых надежных поставщиков нефти.

Новый исламский режим Ирана практически свернул отношения с объявленными «большим сатаной» Соединенными Штатами. Претерпели изменения также и отношения Ирана с «малым сатаной» – СССР. Хотя история не терпит сослагательного наклонения, смеем утверждать, что если бы не политика СССР по вопросу возможности американской военной поддержки шаху в подавлении революции, ход самой революции мог быть совершенно иным. В сделанном СССР 19 ноября 1978 года заявлении было сказано: «Советский Союз ... решительно заявляет, что он против вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом... Должно быть ясно и то, что любое, а тем более военное вмешательство в дела Ирана – государства, которое непосредственно граничит с Советским Союзом, СССР рассматривал бы как затрагивающее интересы его безопас-

² *Iran, 25 Years Later. A GLORIA Center Roundtable Discussion (Middle East Review of International Affairs, vol. 8, N 2, June 2004, p. 26).*

ности”³. Данное заявление Советского Союза следует рассматривать как одну из основных причин американского военного невмешательства в ход революции в Иране. Конечно, СССР, делая такое заявление, преследовал свои цели, надеясь, что Исламская революция в Иране может перерасти в социалистическую, чего, как известно, не произошло.

“Мусульмане в Иране не прекратят своей борьбы до тех пор, пока не будет установлено всемирное исламское правление”⁴. Слова эти принадлежат духовному лидеру (рахбару) Ирана аятолле Хомейни и отражают видение основного курса внешнеполитической деятельности нового иранского руководства. В начале 80-х гг. тогда еще сравнительно молодой Хашеми-Рафсанджани в списке стран, где в ближайшее время должна была победить Исламская революция, назвал и Советский Союз. “Мы должны экспортировать нашу Исламскую революцию мирным путем, распространяя по всему миру священные идеи Корана. Ислам победит повсюду. Даже в СССР и Китае”, – утверждал Рафсанджани. Трудно сказать, насколько искренен был в своих предсказаниях будущий президент ИРИ, но очевидно, что Советский Союз в видении исламских политиков Ирана не представлялся возможным партнером, тем более – стратегическим.

С середины 80-х гг. в советско-иранских отношениях наметилось определенное улучшение. В декабре 1986 года после долгого перерыва в Тегеране состоялось десятое заседание Постоянной комиссии по экономическому сотрудничеству между СССР и ИРИ, в ноябре 1987 года – четырнадцатое заседание Постоянной советско-иранской подкомиссии по транспорту.

Однако по преимуществу противоречивое состояние отношений между СССР и ИРИ сохранилось вплоть до конца 80-х гг. прошлого столетия – до считающегося многими специалистами “историческим” визита тогдашнего спикера иранского меджлиса (парламента) и будущего президента (избран 28 июля 1989 года) ИРИ А. Хашеми-Рафсанджани в Москву.

К концу 80-х гг. в советско-иранских отношениях намечаются значительные улучшения. Обусловлено это было рядом обстоятельств,

³ Цит. по: **Бининашвили А. М.**, *Влияние внешнего фактора на развитие ситуации в Иране* (в кн.: *Иранская революция. Причины и уроки. Под редакцией Арабаджяна А.З.*, М., 1989, с. 151).

⁴ Цит. по: **Кулагина Л. М.**, *Общая оценка внешней политики ИРИ* (в кн.: *Иранская революция. Причины и уроки.* с. 447).

главным из которых являлась постепенная деидеологизация советской внешней политики, ставшая следствием структурных изменений в СССР, которые привели в конце концов к ослаблению Советского Союза со всеми вытекающими из этого последствиями. Ослабленный и “демократизирующийся” Советский Союз в принципе перестал быть угрозой для Исламской Республики, которая к тому времени уже отлично осознала, что без внешней помощи невозможно восстановить разрушенную в ходе ирано-иракской войны страну. Понятно, что соответствующую помощь от Запада получить было практически невозможно ввиду введенных американской администрацией санкций против ИРИ, а также давления, которое оказывали в этом вопросе те же США на другие западные страны. В этом свете СССР для ИРИ выступал как наилучший партнер – ослабевший настолько, что уже не мог угрожать безопасности ИРИ и ее режима, но в то же время достаточно сильный, чтобы независимо от США развивать свои отношения с Ираном.

В июне 1989 года состоялся визит спикера меджлиса ИРИ Хашеми-Рафсанджани в Москву, во время которого влиятельный иранский политик провел ряд переговоров с руководством СССР, в том числе и с президентом страны М. С. Горбачевым. По итогам визита, Хашеми-Рафсанджани и Горбачевым были подписаны два важнейших документа, определивших отношения двух стран на протяжении более чем одного десятилетия: Декларация о принципах отношений и дружественного сотрудничества между СССР и ИРИ; Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ИРИ на период до 2000 года.

В преамбуле подписанной декларации весьма отчетливо проявляются новые настроения иранского руководства в связи со структурными изменениями в СССР. Так, во втором абзаце преамбулы дается обоснование начала качественно нового этапа межгосударственных отношений между СССР и ИРИ. “Появление **нового политического мышления в Советском Союзе** (курсив мой – С. С.) с одной стороны и победа Исламской революции в Иране – с другой, создали основу для углубления связей и добрососедского сотрудничества, исходя из уважения суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимовыгодного конструктивного сотрудничества в интересах двух народов, в целях установления справедливых отношений между всеми народами”.

Однако самым главным документом, подписанным Горбачевым и Хашеми-Рафсанджани, является Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ИРИ, заложившая основы развития двусторонних – сначала советско-иранских, потом и российско-иранских, – отношений. Именно в данном соглашении нашла отражение готовность двух государств сотрудничать в области энергетики, газа, транспорта, использования атомной энергии в мирных целях – в областях, на сегодняшний день наиболее перспективных.

Сотрудничеству в области энергетики была посвящена первая статья программы, гласившая, что “Стороны, исходя из важности развития энергетики, будут сотрудничать в расширении, модернизации, проектировании и строительстве ряда объектов, в том числе: расширение ТЭС “Шахид Мохаммад Монтазери” в Исфагане на 4 блока по 200 МВт с сухими градирнями; расширение ТЭС “Рамин” в Ахвазе на 2 блока по 315 МВт с закритическими параметрами; строительство плотины и ГЭС “Карун-2” мощностью 760 МВт; строительство гидроузла “Ходааферин” на пограничной реке Аракс с ГЭС мощностью 100 МВт; строительство тепловых электростанций общей мощностью 2000 МВт в Иране; соединение энергетических систем двух стран и обмен электроэнергией”.

Статья, посвященная поставкам иранского газа в СССР, включала не только пункт о самих поставках природного газа из ИРИ в СССР, но и пункт, определяющий возможности осуществления транзита иранского природного газа через территорию СССР. Однако после развала Советского Союза позиция России, ставшей крупнейшим мировым экспортером природного газа, резко изменилась. Россия начала рассматривать возможный иранский газопровод в Европу через призму потери своих позиций на европейском рынке природного газа, а также увидела в возможном газопроводе угрозу тому, что бывшие советские республики получают шанс диверсифицировать свою потребность в энергоносителях за счет нероссийского газа. Потерявшая многие позиции в экономиках бывших советских государств, Россия через поставки своего газа получила возможность внедряться в экономико-хозяйственную жизнь новых независимых государств, тем самым “газовый вопрос” приобрел в том числе и политическую окраску, стал политическим инструментом влияния на внутреннюю жизнь многих бывших советских республик. В

этом свете понятна озабоченность российских властей возможностью удлинения уже строящегося газопровода «Иран-Армения» дальше на север, так как он мог бы создать для таких стран, как, например, Грузия, возможность обеспечения потребности в природном газе за счет нероссийского газа. Не говоря уже о том, что по самому для России «радикальному» варианту газопровод «Иран-Армения» мог быть удлинен вплоть до Украины и Европы, что нанесло бы России сильнейший экономический урон.

Долгосрочная программа предполагала: «расширение совместной судоходной линии с целью увеличения объемов перевозок пассажиров и грузов между портами СССР и ИРИ, а также определение возможности организации перевозок пассажиров и грузов между европейскими странами, СССР и ИРИ». Последний пункт особо важен, так как он фактически лег в основу дальнейшего сотрудничества между Россией и ИРИ в области транспорта и, что самое главное, стал основой российско-иранско-индийского проекта создания Международного транспортного коридора «Север-Юг»⁵. Именно вышеназванный проект заложил основу одного из самых перспективных направлений современного российско-иранского сотрудничества – создание транспортных артерий международного значения.

Наверное, ни одно направление российско-иранского сотрудничества не вызывало таких нареканий и такой критики, как межгосударственное сотрудничество в области мирного использования ядерной энергии. Сотрудничество между Ираном и Россией в области мирного использования ядерной энергии уже давно перестало быть вопросом межгосударственных российско-иранских отношений: благодаря политике США оно превратилось в международную проблему. Подробно к российско-иранскому сотрудничеству в ядерной сфере обратимся ниже, а пока заметим, что Долгосрочная программа сотрудничества между СССР и ИРИ, подписанная в 1989 году, гласила: «Учитывая обоюдное стремление Сторон к использованию атомной энергии в мирных целях в различных областях, в том числе в области исследований, технологии и использования атомной энергии, Стороны договорились поручить компетентной советской организации и Организации атомной энергии Ирана провести переговоры по вопросу об осуществлении указанного

⁵ Более подробно см.: **Саруханян С. Н.**, МТК «Север-Юг» и российско-иранские отношения в транспортной сфере (*«Дар 21» (21 Век)*, N 3, 2004).

сотрудничества и подготовке соответствующего соглашения и других документов».

В общем и целом визит Хашеми-Рафсанджани в Москву стал переломным в российско-иранских отношениях, заложив основу дальнейшему углублению сотрудничества двух государств.

Р. Фридман в своей статье «Российско-иранские отношения в 1990-х гг.» пишет: «Из всех государств Ближнего Востока, наверное, ни одно не представляет такой важности для России, как Иран. Его стратегическое положение в Персидском заливе, важность как торгового партнера, его связи и интересы в бывших советских республиках Центральной Азии и Закавказья всегда обращали на себя российское внимание»⁶. Однако осознание всей важности роли Ирана к российскому руководству пришло не сразу, чему имелись на тот период достаточно веские причины. Россия начала 1990-х гг. в самом деле надеялась, что так называемый «медовый месяц» в российско-американских отношениях будет длиться вечно и что США превратились в основного партнера России не только в системе международных отношений вообще, но и в их региональном ближневосточном отрезке в частности. В этом свете никакой речи не могло идти о налаживании стратегического партнерства с такими «проблемными» странами, как Исламская Республика Иран. Конец «медового месяца» в российско-американских отношениях, решение НАТО расшириться дальше на Восток, частые нападки на Россию за применение жестких методов подавления «чеченского мятежа» и т. п. естественным образом отразились на российско-американских, российско-европейских отношениях, и, следовательно, на отношениях России со странами, которые в некоторых государствах Запада считали и считают авторитарно-тоталитарными, угрожающими миру, поддерживающими международный терроризм и т. д.

Кроме того, в российской политической среде в середине 90-х гг. произошли значительные изменения, вызванные победой на выборах в Государственную Думу в 1995 г. КПРФ и ЛДПР – партий далеко не прозападных. То что КПРФ и ЛДПР не были представлены в исполнительной власти, конечно, не могло не уменьшить роли этой победы, но в то же время эти две партии сыграли большую роль в формировании общественно-политического климата в стране, где все

⁶ Freedman R., *Russian-Iranian Relations in the 1990s. (Middle East Review of International Relations, vol. 4, #2, June 2000, p. 65).*

больше начали говорить о необходимости создания мощного антинатовского блока. В этот блок, по представлению российских политиков и политологов, должна была входить в том числе и ИРИ – государство, которому не меньше, чем России, угрожало усиление западных структур, прежде всего НАТО. В этих условиях возможность создания российско-иранского военно-политического альянса стала идеей довольно привлекательной для определенных политических и иных кругов России. А вот ряду ученых, профессионально занимающихся Ираном, эта идея казалась весьма сомнительной и опасной. Так, известный российский иранист В. И. Сажин в 1997-м году писал: «Трудно усомниться в том, что по методам и приемам осуществления государственной власти политический строй ИРИ представляет собой идеологизированный тоталитарный режим, маскируемый атрибутами исламской справедливости и народовластия, как в свое время тоталитарная советская власть маскировалась макияжем пролетарской, классовой справедливости и народовластия. Может быть, поэтому, почувствовав сущностную близость двух режимов – бывшего СССР и нынешнего Ирана, – националистические, “патриотические” и коммунистические партии и движения России выступают за создание мощного противовеса НАТО – своеобразного военно-политического альянса России с тоталитарными режимами”⁷.

Как явствует из статьи В. И. Сажина, не все российские иранисты разделяли идеи российских политиков о том, что ИРИ – потенциальный союзник России во враждебном ей мире. Все это говорит о неоднородности восприятия ИРИ в российском обществе середины 90-х гг., что совершенно объективным образом отразилось и на политике России по отношению к Ирану, где, как и во всех других сферах жизни страны, было очень много противоречивого.

Например, говоря о российско-иранском сотрудничестве в области ядерной энергетики, Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин в 1995 году признал, что “планы российско-иранского сотрудничества в ядерной области имеют военные компоненты”⁸. В том же году на встрече с Президентом США он заявил, что вопросы, касающиеся военной части

⁷ Сажин В. И., *Россия и Иран: проблемы стратегической перспективы (Ближний Восток и современность, вып. 4, ИИИБВ, М., 1997, с. 262).*

⁸ Мамедова Н., Федоров Ю., Федченко В., *Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения, М., 2003, с. 4.*

российско-иранского ядерного сотрудничества, возможности создания ядерного оружейного топлива, центрифуги, строительства шахт, решили исключить⁹. Такая неопределенность и противоречивость в оценках прослеживается на протяжении всего правления Б. Н. Ельцина.

Российско-иранский диалог особо активизировался после назначения Е. М. Примакова министром иностранных дел РФ. Когда в январе 1996 года Примаков стал главой российского МИД, ожидалось, что он сможет с большей интенсивностью координировать российскую внешнюю политику, чем это делал его предшественник А. Козырев¹⁰. Можно было бы, конечно, сказать, что Е. М. Примакову пришлось многое в российско-иранских отношениях начать с нуля, однако это не так. Предшественник Примакова Козырев не только не прилагал особых усилий для развития российско-иранских отношений, но и наоборот: за несколько месяцев до отставки Козырева, 30 июня 1995 года, состоялось подписание Председателем правительства РФ В. С. Черномырдиным и Вице-президентом США А. Гором секретного соглашения, фактически предусматривающего ограничение продаж российского оружия Ирану.

Несмотря на то, что Примаков всячески старался скоординировать внешнеполитический курс России, придать ему согласованный характер, общая ситуация в стране, в частности разрушенное состояние системы политического управления, наличие множества центров сил и слабая верховная власть, должны были, безусловно, негативно отразиться на его начинаниях. Приведем один лишь факт. В 1996 году Е. М. Примаков посетил Тегеран, где провел конструктивные переговоры с иранским руководством. Визит этот объективным образом должен был послужить сигналом иранскому руководству о том, что подход российского руководства по отношению к ИРИ меняется. Однако визит Примакова был сопровожден заявлением Министра обороны России И. Радионова, в котором утверждалось, что Иран – потенциальная военная угроза для России¹¹. Понятно, что в таких условиях, даже при очень сильном желании министра иностранных дел РФ, добиться видимых результатов вряд ли было возможно.

⁹ Там же.

¹⁰ Freedman R., *Russia and the Middle East: Primakov Era* (*Middle East Review of International Affairs*, vol. 2, #2, 1998, p. 1).

¹¹ Freedman R., *Russian-Iranian Relations in the 1990s*, p. 66-67.

В начале 1997 года министр иностранных дел России Е. М. Примаков и министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти в принятом ими совместном заявлении признали военное присутствие США в Персидском заливе “совершенно недопустимым”¹². Заявление это, в свете непоколебимо уверенного положения США в регионе, по преимуществу носило декларативный характер и декларировало в первую очередь настрой ИРИ и России координировать свои подходы по важнейшим региональным вопросам.

При всех противоречиях, неудачах, при всей несогласованности государственной внешнеполитической линии РФ в 1990-х гг. В. В. Путин к своему избранию на пост Президента РФ унаследовал все же довольно развитые отношения с Ираном. Только за два года – 1999 и 2000 – Москву и Тегеран посетил, для ведения переговоров и консультаций, ряд высокопоставленных официальных лиц с обеих сторон. Российскую сторону представляли: Секретарь Совета безопасности России С. Б. Иванов, министр иностранных дел И. С. Иванов, министр обороны И. Д. Сергеев, министр топлива и энергетики С. А. Генералов, министр природных ресурсов В. П. Орлов и др. С иранской стороны Москву посетили: секретарь Высшего совета национальной безопасности Х. Роухани, министр иностранных дел К. Харрази, руководитель Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) Г. Агазаде, министр внутренних дел А. Мусави-Лари, министр городского и жилищного строительства А. Абдулализаде, министр энергетики Х. Битараф и другие¹³.

Само президентство Путина началось с определенных опасений Ирана по поводу эволюции политики России при новом президенте. Во-первых, В. В. Путин освободил от должности ректора Балтийского государственного технического университета (БГТУ) Юрия Савельева. Ранее американская администрация ввела в отношении вышеназванного вуза санкции по причине его активного сотрудничества с иранской стороной. В частности, речь шла о подготовке иранских студентов-техников в БГТУ¹⁴. Во-вторых, началась вторая война в Чечне. Ее начало пришлось на период

¹² Cohen A., Phillips J., *Countering Russian-Iranian Military Cooperation* (The Heritage Foundation Backgrounder, 1425, April 5, 2001, p. 4).

¹³ Арунова М. Р., *Российско-иранские отношения: диалог и сотрудничество (1999-2001)* (Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конференции, ИИИБВ, М., 2001, с. 10).

¹⁴ Katzman K., *Iran: Arms and Weapons of Mass Destruction Suppliers* (CRS report RL30551. p. 10).

председательства ИРИ в Организации Исламская Конференция (ОИК), что потребовало от ИРИ соответствующей реакции на события в Чечне. С осуждением политики России выступил духовный лидер ИРИ Али Хаменеи – человек намного более влиятельный, чем президент ИРИ М.Хатами. Иран в ноябре 1999 года обратился к руководству России с просьбой принять делегацию ОИК для ознакомления с положением на Северном Кавказе. 6-7 декабря 1999 г. делегация, возглавляемая министром иностранных дел ИРИ К.Харрази, посетила Москву, Дагестан, Северную Осетию и Ингушетию. В январе 2000-го года в Москве побывала вторая делегация ОИК. В 2000-м году по инициативе российского президента в ИРИ отправилась делегация депутатов-мусульман Государственной Думы России, которая встретила и с Хаменеи, и с Хатами¹⁵.

В 2000-м году Президент ИРИ М. Хатами объявил, что ИРИ считает конфликт в Чечне внутренним делом России. Как отмечает М. Р. Арунова, официальная позиция Ирана в связи с ситуацией на Северном Кавказе в целом включает следующие основные элементы:

1. события на Северном Кавказе являются внутренним делом России;
2. Иран уважает территориальную целостность России;
3. иранские представители неизменно подтверждают свое принципиальное неприятие терроризма во всех его проявлениях;
4. Иран обеспокоен жертвами мирного населения, выступает против углубления кризиса на Северном Кавказе, расширения его географических рамок, за скорейшее политическое урегулирование ситуации, восстановление мира и спокойствия¹⁶.

Важным, знаковым событием в развитии российско-иранских отношений можно считать официальный визит Президента ИРИ М. Хатами в Москву в марте 2001-го года. На встречах президентов России и Ирана было подтверждено, что взаимное сотрудничество двух стран в экономической, политической, торговой, культурной и иных областях отвечает национальным интересам обеих стран, а также способствует установлению мира и спокойствия в регионе. Иран и Россия обсудили вопросы развития двустороннего сотрудничества, прежде всего в области

¹⁵ **Freedman R.** *Putin and the Middle East* (*Middle East Review of International Affairs*, vol. 6, #2, June, 2000, p. 2).

¹⁶ **Арунова М. Р.**, *РФ-ИРИ. Политический диалог: 1999-2000 гг. (Иран. Ислам и власть, М., 2001, с. 191).*

авиастроения, энергетики, нефтяной и газовой промышленности. Укажем, что с 1999 года российско-иранское сотрудничество в нефтегазовой сфере набирает серьезные обороты. Российский «Газпром», французская «Тоталь» и малазийский «Петронас» совместно принимают участие в освоении второй и третьей очередей газового месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе.

Визит Хатами в Москву был достаточно удачным, свидетельством чему может быть оценка этого визита Е. М. Примаковым, назвавшим его «самым большим событием в истории отношений между Москвой и Тегераном»¹⁷.

В ходе визита было также заявлено о поддержке правительствами ИРИ и РФ проекта создания МТК «Север-Юг», призванного объединить страны Южной Азии, Ближнего Востока и т. д. со странами Европы через территорию Ирана и России. Еще в начале 2003-го года мало кто верил в возможность реализации этого масштабного проекта. Так, известные иранские специалисты А. Малеки и К. Афрасиаби в своей статье «Внешняя политика Ирана после 11 сентября» пишут: «Без поддержки со стороны международных финансовых институтов транспортный коридор «Север-Юг» вряд ли сможет быть реализован, а поддержка кажется весьма сомнительной, пока США сохраняют санкции против ИРИ»¹⁸. Напомню, статья опубликована в 2003-м году, а летом 2004-го первый контейнерный поезд отправился из Санкт-Петербурга в Тегеран по фактически уже функционирующему коридору.

На сегодняшний день по большому счету только в двух областях между Ираном и Россией существует недопонимание: статус Каспийского моря и ядерная программа ИРИ.

На протяжении 1990-х гг. как ИРИ, так и Россия оспаривали принцип раздела дна Каспийского моря по «срединной линии», который был невыгоден им, но выгоден Казахстану и Азербайджану. Данной проблематике посвящены многие статьи, однако остановимся на самой сути. В 2001-2002 гг. Азербайджан, Россия и Казахстан достигли договоренности об определении национальных секторов Каспия по так называемому принципу «срединной линии». Данный принцип

¹⁷ **Freedman R.**, *Putin and the Middle East*. (*Middle East Review of International Affairs*, vol. 6, #2, June, 2002, p. 3).

¹⁸ **Maleki A., Afrasiabi K. L.**, *Iran's Foreign Policy After 11 September* (*The Brown Journal of World Affairs*. Winter/Spring 2003, Volume IX, Issue 2, p. 7).

исключительно невыгоден Ирану, которому перепадает наименьший кусок Каспийского дна, а большие богатые нефтью и газом куски отходят Азербайджану. Проблема для Ирана не только экономическая, но и политическая. Для богатого нефтью Ирана в принципе не так важны несколько пусть и объемных месторождений Каспия. Однако освоение этих месторождений с азербайджанской стороны проводят западные, прежде всего английские и американские компании, которые в конце концов, при благоприятном для них развитии ситуации, получают концессии на эти месторождения со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. А именно: в свете всемирной и всемерной угрозы международного терроризма, в свете войны в Ираке и нестабильности на Южном Кавказе американские военные базы (часто используется термин “мобильные группы”) окажутся не только вдоль строящегося нефтепровода “Баку-Тбилиси-Джейхан”, но и в районах, переданных западным компаниям под эксплуатацию нефтяных месторождений. А это потенциальная угроза для Ирана. Именно поэтому подписание российско-азербайджанского соглашения, регламентирующего порядок раздела российского и азербайджанского секторов Каспия, не могло не вызвать возмущение Ирана.

Сегодня и ИРИ, и Туркменистан – два государства, оспаривающие статус Каспия, – все больше склоняются к признанию тех принципов раздела Каспия, которые были установлены российско-азербайджано-казахскими соглашениями. Иран практически осознал, что он вряд ли может рассчитывать на 20% дна Каспия.

В августе 1992 года между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией было подписано соглашение “Об использовании ядерной энергии в мирных целях”, устанавливающее принципы сотрудничества двух стран в сфере мирного использования ядерной энергии.

Положения контракта на завершение начатого немцами строительства первого энергоблока в Бушере были согласованы в конце сентября 1994 года, в результате чего 5 января 1995 года в Тегеране был подписан контракт на завершение строительства первого энергоблока АЭС в Бушере.

Российско-иранское сотрудничество в области ядерной энергетики является “проблемным” не только из-за негативного международного резонанса. В самих российско-иранских отношениях по этому вопросу есть ряд несогласованных пунктов.

Центральным проблемным вопросом на протяжении лет являлся вопрос возврата отработанного ядерного топлива (ОЯТ) из Ирана в Россию для его дальнейшей переработки и захоронения. Примечательно, что в подписанном Россией и Ираном контракте на строительство АЭС в Иране ничего не говорилось о возврате ОЯТ в Россию, так как ОЯТ в то время российским законодательством классифицировалось как ядерные отходы, ввоз которых в Россию был запрещен. После соответствующих изменений в российском законодательстве, а также с учетом того, что американская сторона постоянно настаивала на вывозе ОЯТ из Ирана, Россия начала консультации с иранской стороной о подписании соответствующего договора (протокола), регулирующего порядок вывоза ОЯТ из Ирана и его последующего захоронения.

Планировалось, что протокол о возврате ОЯТ должен был быть подписан в феврале 2004 года во время визита главы Минатома Румянцева в Тегеран. Из-за «неготовности необходимых финансовых документов» визит Румянцева был сдвинут на конец марта. Однако уже 29 февраля 2004 года Румянцев открыто заявил о «недопонимании» между иранской и российской сторонами по проблеме возврата ОЯТ в Россию. *«Для Ирана, не обладающего собственными АЭС, стало сюрпризом то обстоятельство, что страны, отправляющие своё отработанное топливо в другие государства для хранения и переработки, обязаны за это заплатить»*, – заявил Румянцев. Было бы наивным полагать, что такое государство как Иран, с его более чем 40-летней историей национальной ядерной программы, не имело представления о том, что за захоронение ОЯТ на территории иностранного государства надо платить деньги, и деньги немалые. Как известно, протокол был подписан в конце февраля 2005 г. Однако затягивание его подписания отрицательно сказалось на российско-иранских отношениях.

Срок подписанной СССР и ИРИ Программы торгово-экономического и научного сотрудничества между ИРИ и СССР истек в 2000-м году. Очевидно, что нынешний формат российско-иранских отношений требует подписания новой программы. Проект Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран на период до 2012-го года был утвержден Постановлением Правительства РФ № 556 от 26 июля 2002 года, одобрен иранской стороной и ждет своего скорого подписания.

Перечень основных направлений сотрудничества между российскими и иранскими организациями в приложении Долгосрочной программы впечатляет.

Только в топливно-энергетической сфере эта программа предполагает в числе прочего: проведение консультаций с целью обмена информацией о ценах на мировом нефтяном и газовом рынке; осуществление проекта строительства, финансирования и эксплуатации газопровода между Ираном и Индией; осуществление проекта освоения нефтяного месторождения “Хешт”; сооружение ТЭС “Табас” (2 блока по 315 МВт) с возможным расширением (2 блока по 315 МВт) и обустройство угольного месторождения “Мазино-1”; строительство АЭС “Бушер – 2”; строительство новой АЭС (2 блока по 1000 МВт) на площадке “Бушер” и т.д. Программа предусматривает сотрудничество также и в других областях.

Очевидно, что такая всеобъемлющая программа сотрудничества между двумя странами является показателем высокого уровня межгосударственных отношений. Эти отношения, в принципе, имеют все шансы на дальнейшее развитие. И это развитие обусловлено не только географической близостью двух государств. Россия и Иран находятся на грани двух великих цивилизаций, религий, культур – христианской и мусульманской. Именно отношениями между двумя этими государствами во многом будет обусловлена возможность осуществления выдвинутого президентом ИРИ М. Хатами проекта “Диалога цивилизаций”. Сегодня, более чем когда-либо, сложившаяся ситуация позволяет России с большей эффективностью, чем все другие страны, внедряться в Иран. Это, безусловно, приведет к возникновению определенных проблем в российско-американских и, может быть, в российско-израильских отношениях. Но России надо наконец понять, чего она хочет: быть послушным младшим партнером США, государством, которое будут уважать и “бояться” только ради приличия? Хочет ли Россия представить себе этот мир как «царство единомыслия по-американски, как некую казарму со строгим, но справедливым сержантом, действующим только по уставу, написанному в Вашингтоне?»¹⁹.

Полагаем, такое положение Россию не может устраивать. Сегодня развитие российско-иранских отношений зависит в первую очередь

¹⁹ Сажин В. И., *Россия-Иран: партнерство или стратегический союз? (Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конференции, ИИИБВ, М., 2001, с. 203).*

именно от России. Полномасштабное российско-иранское стратегическое партнерство коренным образом может изменить ситуацию во всем регионе, установив в нем настоящий баланс сил и влияния. Для Армении, находящейся в соседстве с Турцией и Азербайджаном, весьма опасно одностороннее усиление какой-либо мировой или региональной державы на Южном Кавказе. Последние два года показывают, что такой процесс имеет место и может в конце концов привести к ситуации, когда региональные проблемы будут разрешаться всего лишь в одной столице, в одном центре. Многополярность в регионе для Армении исключительно важна. На наш взгляд, эта многополярность на сегодняшний день наилучшим образом может быть достигнута в результате развития российско-иранского стратегического партнерства.

**ԱՐԴԻ ՌՈՒՄ-ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐ ԵՎ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐ**

ՍԱՐՈՒԽԱՆՅԱՆ Ս. Ն.

Ամփոփում

Իրանի նկատմամբ ԱՄՆ-ի և Եվրայելի սպառնալիքների իրականացումը սպառնում է ապակայունացնել իրավիճակը Մերձավոր Արևելքում, ինչպես նաև Հարավային Կովկասում: Իրանի դեմ որևէ ռազմական գործողություն ուղղակիորեն հարվածելու է Ռուսաստանի աշխարհաքաղաքական և աշխարհատնտեսական շահերին Մերձավոր Արևելքում ընդհանրապես և Իրանում՝ մասնավորապես:

Այսօր Իրանն ու Ռուսաստանը կարևորագույն գործընկերներ են Մերձավոր Արևելքում, ինչպես նաև Կենտրոնական Ասիայում ու Հարավային Կովկասում: Հենց Ռուսաստանի և Իրանի ջանքերով հնարավոր դարձավ հաստատել քաղաքական անդորր և վերջ դնել քաղաքացիական պատերազմին Տաջիկստանում: Այսօր ռուս-իրանական համագործակցությունը զարգանում է քաղաքական, տնտեսական, ինչպես նաև տրանսպորտի և այլ բնագավառներում: Երկու պետությունները «Հյուսիս-Հարավ» տրանսպորտային միջանցքի ստեղծման ծրագրի հիմնական իրագործողներն են: Միջպետական համագործակցության ամենագարգացած և խնդրահարույց կողմը համագործակցությունն է միջուկային ոլորտում:

Ներկայիս տարածաշրջանային զարգացումները երկու պետություններին օբյեկտիվորեն դրդում են, չնայած գոյություն ունեցող հակասություններին, է՛լ ավելի խորացնել միջպետական համագործակցությունը: